

RU

Функция персонажей-китайцев в образной системе
поэмы Д. И. Стахеева «Посольство»

Чжай Ли

Аннотация. Цель исследования – определение места и роли персонажей-китайцев в образной системе поэмы «Посольство» Д. И. Стахеева. В статье рассматривается не только поэма-шутка, но и исторический документ, зафиксировавший ход дипломатической миссии 1863 г., что позволяет сопоставить реальные события и их отражение в произведении. Автор намеренно отступает от достоверности, чтобы через образы героев выразить собственную точку зрения и на характер российско-китайских отношений, и на личность первого военного губернатора Амурской области Н. В. Буссе. Такой художественный ход формирует сатирическое начало поэмы, обнажает проблематику, связанную в большей степени с внутригосударственным устройством Российской империи. Научная новизна заключается в обозначении функций основных персонажей внутри образной системы одного из ранних произведений видного писателя второй половины XIX в. Д. И. Стахеева: а именно в установлении мировоззренческих факторов, предопределивших сюжетно-композиционную, проблемно-тематическую и идейно-смысловую роль персонажей, в первую очередь персонажей-китайцев. В результате исследования установлено, что персонажи-китайцы (как главные, так и эпизодические) в образной системе поэмы «Посольство» выполняют ряд важнейших функций: контрастируя с персонажами-русскими, составляют композиционную основу произведения; отражают ценностные идеалы, на которые ориентируется автор, что делает их образцами концептуального типа персонажей, героями-ретрансляторами.

EN

Function of Chinese characters in the system
of images of D. I. Stakheev's poem "Ambassade"

Zhai Li

Abstract. The research aims to determine the place and role of Chinese characters in the system of images of the poem "Ambassade" by D. I. Stakheev. The paper examines not only the satirical poem but also a historical document that recorded the course of the 1863 diplomatic mission, allowing for a comparison of real events and their depiction in the work. The author intentionally departs from accuracy to express his own point of view through the images of the characters, reflecting on both the nature of Russo-Chinese relations and the personality of the first military governor of the Amur region N. V. Busse. This artistic approach shapes the satirical nature of the poem, exposing issues more related to the internal structure of the Russian Empire. Scientific novelty lies in delineating the functions of the main characters within the system of images in one of the early works by the prominent writer of the second half of the 19th century D. I. Stakheev. Specifically, the paper focuses on establishing the worldview factors that determined the plot composition, thematic problems, and ideological significance of the characters, especially the Chinese characters. As a result, the research finds that the Chinese characters (both major and episodic) serve several crucial functions in the system of images of the poem "Ambassade": forming a contrast with the Russian characters, they make up the compositional basis of the work; they reflect the author's guiding values, which makes these characters examples of the conceptual character type, heroes-retransmitters.

Введение

Актуальность данного исследования обусловлена возрастающим интересом современного литературоведения к рассмотрению механизмов восприятия художественного произведения, которое является отражением авторского видения мира. Адекватное усвоение таких мировоззренческих концепций позволяет читателю формировать собственное сознание. Анализ модели «автор – его герои», применяемой в поэме Д. И. Стахеева, способствует не только конкретизации темы развития российско-китайских отношений, но и прояснению авторского видения человеческих взаимоотношений вообще.

Для достижения вышеуказанной цели исследования необходимо решить следующие задачи:

- сопоставить исторические данные и событийную канву поэмы «Посольство»;
- выявить типологические черты персонажей-китайцев (в сравнении с персонажами-русскими);
- проанализировать основные приёмы и средства создания образов (авторские номинации, речевая характеристика, «русификация», ирония) для определения их идейно-смысловых доминант.

Материалом для исследования послужили ранние произведения Д. И. Стахеева, тематически связанные с пребыванием писателя на Амуре, прежде всего его поэма «Посольство». Были использованы следующие издания:

- Стахеев Д. И. Глухие места: рассказы. СПб.: Издание А. И. Щербакова, 1868.
- Стахеев Д. И. За Байкалом и на Амуре: путевые картины. СПб.: Типография К. Вульфа, 1869.
- Стахеев Д. И. На память многим: рассказы из жизни в России, Сибири и на Амуре. СПб.: Издание автора, 1867.

В качестве справочного материала были задействованы следующие словари и справочники:

- Справочник литературных терминов. <http://sainfo.ru/liter/liter/11/1d.html>.
- Толковый словарь Ожегова. <https://gufo.me/dict/ozhegov>.
- Толковый словарь Ушакова. <https://gufo.me/dict/ushakov>.

Теоретическую базу составляют, во-первых, работы, в которых изучаются взаимоотношения автора и его героев, автора и созданной им системы персонажей (Бахтин, 1998; Тамарченко, 1997; Теория литературы, 2004; Гуськов, 2006); во-вторых, исследования, рассматривающие особенности проблематики и поэтики произведений Д. И. Стахеева, посвящённых амурской тематике (Лосев, 2011; Урманов, 2014).

Проведение исследования в данной статье опирается на следующие методы: компаративистский, благодаря которому были сопоставлены события и персоналии посольской миссии в Китае (1863 г.), отражённые в исторических документах, и их изображение в художественном произведении; типологический, позволивший выявить общую направленность функции главных и второстепенных персонажей-китайцев; метод системного анализа, с помощью которого поэма рассмотрена на всех системных уровнях: идейно-тематическом, проблемном, композиционном, языковом; метод лексико-семантического анализа, обеспечивший прояснение значения лексем в контексте художественного произведения.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его материалов, результатов и выводов в вузовских курсах теории и истории русской литературы, спецкурсах и спецсеминарах, посвящённых истории литературной жизни Дальнего Востока, в дальнейшем изучении поэмы «Посольство» и творчества Д. И. Стахеева в целом, при подготовке комментированных изданий его сочинений.

Обсуждение и результаты

Система персонажей в художественном произведении является одной из важнейших форм выражения авторской позиции, авторских взглядов. Тесную взаимосвязь авторской точки зрения и системы персонажей отмечают многие литературоведы. Так, по мнению Н. Д. Тамарченко, «через систему персонажей выражается единое авторское представление о человеке в его взаимоотношениях с природой, обществом и историей...» (1997, с. 36). Признавая, что авторская позиция выражается «любой “частной” формой», учёный тем не менее подчёркивает, что «непосредственнее всего это представление выражено именно системой образов человека или системой персонажей. Отсюда задача: осмыслить “набор” этих лиц и их иерархию как способ выражения “авторской позиции”» (Теория литературы, 2004, с. 259). Иначе говоря, авторская позиция передаётся и постигается именно через систему персонажей, а не через одного из героев, которому автор «доверяет» транслировать свою точку зрения.

По утверждению М. М. Бахтина, литературный персонаж воплощает «основной тематический замысел» и осуществляет «композиционные функции в реальном развёртывании произведения», при этом «тематические и композиционные функции нераздельно слиты в нём» (1998, с. 259-260). То есть он играет формальную (сюжетно-композиционную) роль, отражая эстетические представления автора, а кроме того, несёт смысловую нагрузку, выражая тематическое содержание, которое связано с различными авторскими концептуальными идеями.

Как отмечают современные литературоведы, развивая вопрос о функциях, «литературный герой манифестирует авторское сознание, воплощая важные для писателя представления о человеке, о мотивации его действий, о его внутреннем мире, о смысле жизни. <...> Всегда объективирует идеальные сущности, которые возникают в процессе авторского опыта, практического и нравственного» (Капанян, 2021, с. 290). Такую роль играют не только и не столько главные действующие лица, на которых обычно заостряется внимание читателя. Помещённые в иерархическое взаимодействие с другими героями, они способны быть носителями авторского замысла. Рассмотрение именно системы со- и противопоставления главных и второстепенных / эпизодических / «внесценических» героев позволяет постичь авторский замысел во всей полноте и глубине. По словам современного исследователя, «образы главных героев несут на себе отпечаток закономерностей идейного замысла», а в образах второстепенных персонажей «писатель... способен дать волю своей фантазии. Таким образом, план второстепенных персонажей образует яркий, колоритный фон» (Макаричев, 2020, с. 98), не только оттеняющий сущность главных героев, но и дорисовывающий её.

В справедливости данных теоретических положений можно убедиться при рассмотрении одного из ранних произведений Дмитрия Стахеева, в котором он обращается к теме российско-китайских отношений и выражает свои взгляды на российскую внешнюю политику начала 1860-х гг., на характер дипломатических отношений двух государств: России периода правления императора Александра II и Цинской империи.

Тема Китая, российско-китайских отношений – «одна из важнейших в творчестве значительной части амурских литераторов и известных русских писателей, судьбы которых так или иначе связаны с Приамурьем» (Урманов, 2014, с. 418). Эта тема возникла буквально на самом раннем, начальном этапе формирования того художественного явления, которое принято называть литературой Приамурья. «Энциклопедия литературной жизни Приамурья XIX–XXI веков» (2013, с. 362–364) свидетельствует, что одним из самых ранних произведений, где затрагивается данная тема и рисуются образы китайцев, является поэма Д. И. Стахеева «Посольство», замысел которой возник у писателя в 1863 г. Тогда же или немного позже он был реализован, а ещё некоторое время спустя писатель опубликовал поэму, включив её в одну из первых своих книг (Стахеев, 1867, с. 293–302).

Дмитрий Иванович Стахеев (1840–1918) – известный русский писатель, начало творческой биографии которого связано с Приамурьем. В Амурской области он жил с мая 1862 г. по август 1863 г. Следовательно, в мае 1863 г., когда из Благовещенска в китайский Цицикар отправилась описанная в поэме «посольская миссия», Стахеев, которому тогда исполнилось 23 года, находился в административном центре Амурской области и, очевидно, был посвящён в некоторые детали этой поездки. Покинув Благовещенск, с 1864 г. Стахеев жил в Петербурге, с 1872 г., оставив государственную службу, полностью посвятил себя литературному труду. Он писал стихи, рассказы, повести, романы, очерки, редактировал журналы «Нива», «Русский мир», «Русский вестник». И хотя на Амуре он провёл всего около полутора лет (а до этого несколько лет в Забайкалье, в Кяхте, где по поручению отца, купца первой гильдии, вёл торговые дела с Китаем), амурская тема надолго стала одной из ведущих в его творчестве. Поэма, очерки, рассказы, воспоминания об Амуре включены в ранние книги Стахеева: «На память многим» (1867) и «Глухие места» (1868). Хотя творчеству Стахеева посвящено несколько диссертаций (Грахова, 2001; Данилова, 2005; Хабибулина, 2007) и монографий (Валеев, 1994; 1995), на данный момент нет ни одного исследования, в котором произведения на амурском материале были бы рассмотрены системно, во взаимосвязи. Да и в целом раннее творчество писателя крайне редко и преимущественно вскользь затрагивается в работах современных литературоведов. Одно из редких исключений – труды основателя литературного краеведения Приамурья А. В. Лосева (1927–2002), проведшего сопоставительный анализ сюжетной основы поэмы «Посольство» и соотносимых фрагментов мемуарной книги «За Байкалом и на Амуре» (Лосев, 2011, с. 28–31).

Среди произведений Стахеева на амурскую тему особый интерес представляют поэма «Посольство», повесть «Всеу трудяхуся» (Стахеев, 1867, с. 187–249) и книга «За Байкалом и на Амуре» (Стахеев, 1869), посвящённая жизни автора в Восточной Сибири, в том числе в Благовещенске.

Полное название произведения включает подзаголовок и авторское жанровое обозначение: «Посольство: небывалое и невозможное происшествие. (Шутка)». Поэма эта, увидевшая свет полтора столетия назад, практически не была замечена современной столичной критикой. Не привлекла она к себе внимания исследователей творчества писателя и в последующее время. Причин тому может быть несколько, в первую очередь архаичность поэтической формы, не очень высокий художественный уровень произведения. Но главная причина, как представляется, заключалась в том, что пафос, проблематика, смысловая направленность поэмы в контексте общероссийской литературной ситуации рубежа 1860–1870-х гг. казались не только малозначительными, но и не вполне понятными. По достоинству оценить поэму невозможно без погружения в амурский литературный контекст, в частности без учёта жанрово-стилевых и проблемно-тематических переключек этого произведения с предшествующей ему анонимной сатирой «1859 год на Амуре» (Урманов, 2013, с. 10–11), а также без погружения в хитросплетения российско-китайских дипломатических отношений начала 1860-х гг.

Основная художественная задача, которую решал в поэме Стахеев, – критика первого военного губернатора Амурской области Н. В. Буссе, высмеивание его и как личности, и особенно как администратора, тщетно пытающегося предстать в роли «государственного мужа», способного разрешать сложные вопросы российско-китайских межгосударственных отношений. Менее явственно выписанный, более завуалированный план – критика самих основ устройства российской имперской власти. В этой связи роль персонажей-китайцев в основном имеет вспомогательный характер: именно они должны «оголить» героя, показать его несостоятельность как государственного деятеля, проявить его неспособность решать вопросы межгосударственных отношений, но главное – неспособность (да и отсутствие желания) заниматься насущными проблемами внутрироссийской жизни, обустройством своего собственного «града». Человеческие, личностные качества военного губернатора Амурской области автор развенчивает сам в первых двух главках и в последней, шестой, а деловые «поручает» развенчать персонажам-китайцам, выведенным в четвёртой и пятой главках. Именно они, по замыслу автора, должны нанести самые чувствительные удары по военному губернатору, представив его в смешном свете. В той или иной степени эту функцию выполняют все персонажи-китайцы: и чиновные, и рядовые, в том числе безликие стражники.

Выведенные в поэме маньчжуры (китайцы) являют собой образец так называемого *концептуального типа*, к которому, по классификации В. В. Гуськова (2006, с. 7), относятся персонажи, несущие на себе явный отпечаток авторских концепций, его социально-исторических и историософских взглядов. Речь о такой разновидности этой типологической группы, как *персонажи – рупоры авторской точки зрения, авторского голоса*. К их числу относятся не только имеющие индивидуальные черты, «говорящие» персонажи («владыка маньчжуров», «амбань»), но и коллективные, собирательные, в том числе «молчащие» (стражники), выражающие отношение к русской посольской миссии взглядами. Подобная разновидность персонажей выполняет главным образом функцию ре-трансляции, «озвучивания авторских мыслей, идей и представлений о мире и человеке» (Гуськов, 2006, с. 217).

Роль главного «ниспровергателя» российского «градодержца» в поэме отводится не названному по имени «владыке маньчжуров». Данная должность персонажа – условность, к которой автор прибегает, чтобы подчеркнуть его более высокий статус в сравнении с российским губернатором – в авторской оценке, к тому же иронической, всего лишь «градодержцем», «правителем града» (на самом деле его прототип был «правителем» области,

а не только её административного центра – города Благовещенска). В реальности высокопоставленный маньчжурский администратор, к которому Буссе отправил своего представителя Е. К. Малевича, не был «владыкой», «властелином» Маньчжурии в буквальном смысле. Официальное наименование его должности – цзянцзюнь (генерал-губернатор) провинции Хэйлуцзян. В русской версии Пекинского договора эта должность обозначается иначе: главнокомандующий. Иначе говоря, его официальный статус примерно равен статусу военного губернатора Амурской области. В Пекинском договоре (1860) военные губернаторы российских приграничных областей и цзянцзюни северо-восточных провинций Китая имеют равные полномочия. Однако в художественном мире поэмы Стахеева «владыка маньчжуров» занимает более высокое иерархическое положение. Слова «владыка» и «властелин», применяемые автором, как раз и призваны подчеркнуть это, создать у читателей такое представление. Но и этого писателю оказалось недостаточно, и он добавляет усиливающий это значение эпитет: не просто «владыка», а «полный владыка маньчжуров». Назвав его «полным владыкой», в следующей строке автор всё же уточняет: «Волею царской наместник, пекинским двором утверждённый» (Стахеев, 1867, с. 299). То есть, оказывается, не совсем «полный», всего лишь «наместник» императора: высшее должностное лицо одной из провинций Китая, назначенное на этот пост «царём» (то есть императором маньчжурской династии Цин), подчиняющееся ему, выполняющее его волю, отчитывающееся перед ним.

Цзянцзюнем Хэйлуцзяна в 1863 г. был Тэпуцин, занимавший этот пост с 1859 по 1867 г. О том, насколько он был «полным владыкой маньчжуров», даёт представление его переписка с канцелярией императора Тунцзи – десятого императора маньчжурской династии Цин и восьмого императора Цин, управлявшего Китаем с 1861 по 1875 г. (李兴盛, 孙正甲, 王晶编, 1987). Судя по ней, Тэпуцин вынужден был согласовывать с императорским двором (или информировать его) едва ли не все свои решения. Знал ли об этом автор поэмы «Посольство»? Скорее всего, знал (или предполагал подобное), однако ради достижения своих художественных целей проигнорировал это.

Основной приём, используемый автором при обращении к образам российского «градодержца» и маньчжурского «владыки», – контраст. Как известно, контраст (франц. *contraste* – резкое отличие) – «резко выраженная противоположность черт, качеств, свойств одного человеческого характера, предмета, явления другому» (Справочник литературных терминов). В поэме-шутке Д. И. Стахеева намеренное противопоставление автором двух персонажей очевидно. Помимо уже отмеченного статусного, должностного противопоставления («полный владыка маньчжуров» – «правитель града»), персонажи контрастируют по возрасту. «Градодержец» молод, о чём можно судить, например, по «масляному взору», который он устремляет на свою «прекрасную», «смугло-румяную», обладающую «нежным станом» жену. Если вспомнить о прототипе «градодержца» – военном губернаторе Амурской области Н. В. Буссе (1828–1866), то ему в 1863 г. исполнилось 35 лет. А Тэпуциню (1801–1887), прототипу «владыки маньчжуров», тогда было 62 года. В середине XIX в. такой возраст воспринимался как старческий. Автор поэмы единожды именуется персонажа «стариком», а трижды – «старцем». В Толковом словаре Ожегова основное значение слова *старец* – «старик (обычно о человеке уважаемом, почитаемом)». В Толковом словаре Ушакова *старец* в первом значении – «то же, что старик (книжн. ритор.)», во втором – «пожилой монах», в третьем – «монах или лицо не монашеского звания, пользующееся уважением и авторитетом...». В данном художественном контексте слово *старец* синтезирует два значения: указывает на возраст персонажа и служит маркером уважительного отношения к нему автора. Возрастные особенности «владыки» автор актуализирует с помощью многократного повтора: «Малео с тоскою на сердце предстал пред очами / Дряхлого старца-владыки» (Стахеев, 1867, с. 299); «Дряхлый сей старец был полный владыка маньчжуров» (Стахеев, 1867, с. 299); «...вымолвил старец надменно» (Стахеев, 1867, с. 299); «Тихо старик шевельнулся в том кресле высоком, / Грустно улыбка мелькнула на старых губах властелина» (Стахеев, 1867, с. 300).

Казалось бы, разница в возрасте – преимущество более молодого и энергичного «градодержца», однако в поэме «Посольство» преклонный возраст «владыки», его физическая «дряхлость» и в малой степени не являются снижающими факторами. Каким образом достигает этого автор?

Во-первых, неоднократно фиксируемая автором «дряхлость», «старость» – видимое проявление свойств личности властелина, его аскетизма. В этом смысле использование писателем для характеристики владыки маньчжуров слова *старец*, которым в России XIX в. принято было называть пользующихся безусловным духовным авторитетом, ведущих аскетический образ жизни монахов, явно не случайно. Сам облик владыки, манера вести себя свидетельствуют, что аскетизм – его философия и его образ жизни. Жизни, для которой характерны скромность, воздержание, самоограничение, прежде всего в роскоши и удовольствиях. Самоограничение, отказ от физических удовольствий во имя полного подчинения собственной жизни высоким целям – нравственным, духовным, общественно-политическим, в данном случае – государственным.

Иное дело – контрастно выведенный российский *градодержец*, амбициозный, тщеславный, с непомерным самомнением, одержимый мелкими страстями и соблазнами, не чуждый плотских удовольствий, любящий, как и его жена, комфорт и роскошь, по-барски относящийся к своим подчинённым, особенно к слугам, которых он вообще воспринимает не как людей, а как однородную серую массу. Все эти качества персонажа проявляются во второй главке. Авторская насмешка, например, присутствует в той сцене, где *градодержец* «изошряет» свой могучий государственный ум думой о том, как исполнить желание жены, жаждущей «роскошных» подарков от иностранных послов. Все и всё замирает, дом погружается в безмолвие, нарушаемое лишь жужжаньем не осознающих величия момента мух: «И если бы барс, под столом градодержца лежавший, / Был жив, то наверно и он бы не смел шевельнуться. / И только лишь скорби владыки, летая, шумели» (Стахеев, 1867, с. 295). Авторская насмешка здесь проявляется не прямо, а опосредованно, в том числе через сталкивание контрастных в данном художественном контексте явлений: тяжесть, драматическая

мучительность процесса «думанья» комично сопрягается с пустотой, мелочностью этих обывательских дум, безмолвие замерших слуг («молчащая» шкура барса – дополнительный иронический штрих) контрастно оттеняется жужжаньем не способных оценить «драматизма» ситуации мух. Ирония как «идейно-эмоциональная оценка, предполагающая скептически- или критически-насмешливое отношение к изображаемому под маской серьёзности утверждения...» (Шпагин, 1966, стб. 179). Примерно по такому же принципу выстраивается следующая сцена, рисующая «градодержца» в момент, когда он наконец-то находит решение задачи и кличет слуг, чтобы отдать им первые приказания. Комичность ситуации состоит в том, что персонаж, в изображении автора, ощущает себя величайшим государственным деятелем, который может обращаться не меньше, чем к «народам», никак не к отдельным людям: «Вдруг он поднялся и радостно крикнул: “Народы!” / Эхо откликнулось в длинных обширных покоях. / И быстро предстали пред очи владыки народы, / Руки по швам опустивши и жаждающая знать приказанье» (Стахеев, 1867, с. 295). Иронически настроенный автор притворно (в этом суть иронии) подыгрывает ощущающему собственное величие персонажу и тоже употребляет его слово «народы» применительно к паре слуг, что со стороны выглядит крайне комично. Это как раз тот случай, когда «намеки на притворство... содержится обычно не в самом выражении, а лишь в контексте или интонации» (Шпагин, 1966, стб. 179). В поэме «Посольство» ирония является стилистическим средством юмора и сатиры, в большей степени – сатиры.

Во-вторых (вернёмся к образу «владыки маньчжуров»), упомянув о «дряхлости», автор тут же отмечает либо более высокое положение персонажа в сравнении с русским «послом» и тем, кто его сюда направил, либо фиксирует его доминирование по вертикальной оси координат. Обратимся к уже процитированным строчкам, чтобы прокомментировать это. Цитата первая: «Малео с тоскою на сердце предстал пред очами / Дряхлого старца-владыки, сидевшего в кресле высоком» (Стахеев, 1867, с. 299). Обратим внимание на пространственное положение «владыки»: он возвышается над «послом», тому приходится разговаривать со старцем, глядя на него снизу вверх. Ещё одна выразительная подробность с такою же смысловой функцией: владыка сидит, а Малео стоит перед ним. К тому же русский посланник находится в положении «просителя», да ещё и испытывающего (по воле автора) трепет, граничащий со страхом. А так как он озвучивает просьбы не свои, а посланного его сюда «градодержца», то в роли «просителя» фактически оказывается «правитель града». Во второй из процитированных выше фраз *дряхлость* тут же нейтрализуется, преодолевается указанием на высочайший статус персонажа: «Дряхлый сей старец был полный владыка маньчжуров» (Стахеев, 1867, с. 299). В выражении «вымолвил старец надменно» явственно доминирует последнее слово, автор и здесь акцент делает на высоком положении персонажа, а не на его преклонном возрасте. Ну и, наконец, в строчках: «Тихо старик шевельнулся в том кресле высоком, / Грустно улыбка мелькнула на старых губах властелина» (Стахеев, 1867, с. 300) – старческий возраст персонажа вновь отходит на второй план, а на первый выдвигается высокое положение старика – и пространственное («в том кресле высоком»), и статусное («на... губах властелина»).

Приём контраста автор использует, как уже отмечалось, применительно к персонажам, которые лично не встречаются, но являются, в соответствии с авторским замыслом, антиподами. Нетрудно заметить, что автор поэмы в самом невыгодном свете, в ироническом, саркастическом, порой откровенно издевательском тоне рисует образ «градодержца» (подразумеваемая под ним Н. В. Буссе) и, напротив, без какой бы то ни было антипатии описывает «владыку маньчжуров». Вступающее в противоречие с реальностью возвышение маньчжурского чиновника преследует очевидную цель: именно ему автор отводит роль того, кто должен окончательно «посрамить» российского губернатора. Сцена диалога представителя «градодержца» с «владыкой маньчжуров» – кульминация этого «посрамления». Начинается сцена с обращённых к Малео вопросов, главный смысл которых – не столько желание что-то узнать, сколько выражение своего превосходства над «просителями». Старец ещё не ведаёт (или делает вид, что не ведаёт), кого представляет русский «посланник» и в чём суть «послания», но уже демонстрирует своё высокомерное отношение: «Кто ты, поведай нам! – вымолвил старец надменно. – / Кто ты, неведомый? Прибыл откуда? С каким порученьем? / Кто поручил тебе в наши полдневные страны явиться?» (Стахеев, 1867, с. 299).

Малео, отвечая на эти вопросы, проявляет предельную почтительность по отношению к *старцу* и одновременно намекает на высокий статус того, кто отправил его сюда с поручениями: «Я прибыл оттуда, где воды широкой волною / Быстро несутся к брегам отдалённого моря / И где на пустынной равнине недавно построен наш город, – / Начал Малео, едва успевая удерживать сердце, / Быстро стучавшее, чуя недоброе дело. – / В городе том градодержец великий приказом / Мне поручил пред очами твоими явиться с поклоном / И просьбы свои изложить пунктуальным порядком» (Стахеев, 1867, с. 299-300).

В реальности, как свидетельствует документ 1863 г. (Доклад о предотвращении..., 2022), генерал-губернатор Хэйлуңцзяна Тэпуцинь не только выслушал все просьбы военного губернатора Амурской области, устно изложенные его посланником Малевичем, но и прокомментировал каждую из них. В поэме же всё происходит иначе: «владыка маньчжуров» почти сразу обрывает «посланника», публично унижая и Малео, и того, кто послал его: «...молвил он: “Знать я не знаю такого владыки, о смертный! / Ум помрачён твой и ум твоего градодержца: / Я не имею сношений с такими властями...”» (Стахеев, 1867, с. 300).

Чем вызвана эта грубость, недопустимая в официальных отношениях соседних, имеющих мирные договоры стран? Почему свой отказ владыка облакает в столь жёсткую, более того – оскорбительную форму? Зачем ставит под сомнение умственные способности русских («Ум помрачён твой и ум твоего градодержца»), обратившихся к нему с просьбами? Что значит: не хочу иметь дел «с такими властями»? С какими «такими»? С властями более низкими по статусу, по положению? Даже если бы глава китайской провинции счёл себя чиновником более высокого ранга в сравнении с главой российской области (что уже само по себе выглядело бы странным), всё равно это недостаточное основание для оскорбительных высказываний. Скандальное

поведение *старца* – всецело на совести писателя, явно испытывающего неприязнь к военному губернатору Амурской области. Неприязнь к Буссе (возможно, у Стахеева были личные причины для неё), видимо, и заставила автора выстроить эту сцену «посрамления» градодержца. Заметно, что автор стремится нанести как можно больше чувствительных уколов Малевичу и через него – градодержцу. К этому процессу он подключает всех других маньчжуров, включая даже молчащих стражников, выражающих своё отношение к русскому посланнику взглядами: «Смолк он и, тихо вздохнув, обратился / К стражам, с улыбкой презренья смотрящим посланнику в очи» (Стахеев, 1867, с. 300). Надменность, высокомерие, презрение, грубость, откровенное глумление – вот что (по воле автора) выплещивают персонажи-китайцы на своих русских визави. Но основанный на авторском вымысле (или предположении) отказ владыки выслушать просьбы русских в глазах читателей 1860-х гг. входил в противоречие с реальной историей миссии Малевича, о которой они могли судить, например, по книге того же Стахеева «За Байкалом и на Амуре» (1869). И писатель находит решение: «заставляет» владыку «перепоручить» рассмотрение просьб русской стороны своему *амбану* (маньчжурское слово, титул высших провинциальных чиновников империи Цин, по функциям приближающихся к губернатору, с неопределёнными полномочиями): «Слуги мои, поручаю вам, – тихо промолвил владыка, – / Дело с посланником этим покончить, пусть старший / Верный амбань наш расспросит его по порядку» (Стахеев, 1867, с. 300).

Подобная сюжетная схема часто встречается в русских народных сказках, где главный герой говорит своему оппоненту: я слишком силен, поэтому пусть с тобой посостязается мой младший (меньшой) брат. Использовал этот фольклорный ход, например, А. С. Пушкин в «Сказке о попе и о работнике его Балде» (1830): известный эпизод, где Балда для испытания предлагает подождать его «меньшого брата».

В поэме «Посольство» функцию «меньшого брата» выполняет «старший амбань», задача которого – одержать над противником безоговорочную победу, нанести ему окончательное поражение. В отличие от русских сказок, персонаж поэмы Стахеева добивается победы не столько хитростью, сколько с помощью изощёренного издевательства, маскируемого поначалу под участливость. Рассмотрим эту сцену подробно, соотнеся её с письмами Тэпуциня, адресованными канцелярии императора. Там этот фрагмент переговоров рассматривается гораздо более досконально, чем все другие.

Итак, по поручению владыки маньчжуров его старший амбань (тоже безымянный) пришёл к униженному и перепуганному Малео, собравшемуся спешно покидать Дкизикир, и «ласково молвил» ему: «Ты мне поведай, посланник, причины посольства, / И если хотенье твоё справедливо, то будет, по воле владыки, / Всё вам даровано, жители стран отдалённых» (Стахеев, 1867, с. 301). Обманутый ласковым тоном амбана, Малевич «радостно» излагает ему главную просьбу: «Наш градодержец желает, чтоб дали нам остров, / Остров, стоящий против Залбазинского града, / Чтоб дали нам землю на берегу правом реки многоводной, / Чтоб наши сношения были всегда непрерывны, / И ваши посланники ездили б в наши владенья» (Стахеев, 1867, с. 301).

О том, что автор поэмы в данном эпизоде довольно точно, со знанием дела изложил содержание ключевой просьбы военного губернатора Амурской области, свидетельствует найденный нами, переведённый (совместно с профессором Ли Иннань) со старокитайского языка и недавно опубликованный документ 1863 г. – письма хэйлунцзянского цзянцзюна Тэпуциня. Подробный анализ этого документа в соотнесении с поэмой Стахеева проведён нами в одной из статей (Чжай Ли, 2022, с. 93-118), здесь же лишь приведём фрагмент письма Тэпуциня, который позволяет получить наглядное представление о субъективности и пристрастности автора поэмы:

«Я спросил его, какие ещё важные вопросы он хочет обсудить в моём присутствии. Он ответил: “В прошлом году наши крестьяне занимались земледелием на правом берегу реки [имеется в виду река Амур. – Чжай Ли], напротив города Якса [китайское название Албазина. – Чжай Ли], а китайская сторона теперь послала людей мешать им. Данная территория ранее принадлежала России и поэтому должна быть предоставлена нам для сельскохозяйственных работ”. Я снова велел чиновнику передать ответ: “Не о чем и говорить, этот участок изначально был частью территории Китая, мы не можем позволить вам пересекать границу. Даже если раньше этот участок и принадлежал российской стороне, с момента заключения договора и проведения границ он является китайской территорией, и это должно строго соблюдаться. Разве можно нарушать договор и допускать действия, разрушающие дружеские отношения между двумя странами?”

Чиновник снова прибегнул к хитрости, сказав: “В этом районе с давних времён имеется рукав реки; участок, на котором русские занимаются земледелием, изначально примыкал к левому берегу реки, но в связи с тем, что рукав сместился к северу, теперь он относится к правому берегу”. Я снова велел чиновнику передать ответ: “Согласно ранее заключённому договору [имеется в виду Айгунский договор. – Чжай Ли], граница проходит между левым и правым берегами. Место, где вы сейчас хотите заниматься земледелием, относится к правому берегу реки независимо от наличия рукавов или от их смещения. В любом случае граница определяется берегами. Даже если происходит смещение русла, обе наши стороны должны соблюдать договор без претензий на его изменение, недопустимо выставлять вопрос рукава реки в качестве предлога и придумывать различные отговорки”.

Чужеземец не нашёлся, что на это ответить, поэтому попросил переводчика в вежливых словах передать просьбу: одолжить на время эту землю для занятия земледелием. Он также сказал, что российский министр (иностранных дел) уже направил официальное письмо нашему министру в Пекин с просьбой передать во временное пользование землю, которая в дальнейшем будет возвращена Китаю» (Доклад о предотвращении..., 2022, с. 122).

То есть в реальности китайский генерал-губернатор, выслушав посланника, вежливо по форме, но твёрдо по сути отверг притязания русских, сославшись на необходимость безусловного соблюдения не так давно заключённого между Россией и Китаем Айгунского договора (1858). Посланник, в свою очередь, в подходящих данной ситуации выражениях попытался настаивать, но вновь получив отказ, «в вежливых словах»,

видимо, не особенно веря в успех, но выполняя поручение военного губернатора Амурской области, попросил хотя бы «на время» «одолжить» России участок китайской земли. Ничего оскорбительного не прозвучало ни от одной из сторон, «дипломатический» этикет был соблюден. Но это, повторим, в реальности. В поэме «Посольство» действуют иные законы, не связанные буквально с необходимостью строго следовать фактам или же рисовать более-менее правдоподобную версию имевших место событий. Логика, которой руководствуется автор, лежит в иной плоскости и повинуется иным принципам – собственно художественным. То есть принципам, обусловленным авторским замыслом, избранной им жанрово-стилевой формой. «Посольство» – это не обычная реалистическая поэма, а поэма-шутка – ироническое, комическое, в какой-то степени сатирическое произведение.

Специфика его в том, что иронический, сатирический пафос направлен исключительно на персонажей-русских: безымянного «правителя града» (под которым разумеется военный губернатор Амурской области Николай Буссе), его жену Зору (в реальности – Екатерина), слуг в его доме, его подчинённых, прежде всего «посланника» Малео (в реальности – Евгений Касперович Малевич).

А функция персонажей-китайцев, в том числе «старшего амбаня», – быть «ретрансляторами», озвучивающими авторские оценки, выражающими его критические суждения. Поэтому персонаж этот, выслушав просьбу о выделении участка земли на правом берегу Амура, ведёт себя не как ответственное должностное лицо, обязанностью которого является соблюдение принятых дипломатических норм и правил, а как завзятый российский либерал, критически настроенный по отношению к внешней и внутренней политике государства, радующийся неудачам власти, сочувствующий тем, кто может её посрамить, подвергающий осмеянию любые её действия: «Амбань засмеялся и молвил: “Ах, много труда и работы / На левом берегу, заселённом так мало народом, / Напрасно и проситесь вы, не управившись с левым, – на правый, / Мы же посольства из стран полу-денных в далёкие страны / К вам посылать никогда не желаем!”» (Стахеев, 1867, с. 301-302). Какими соображениями руководствуется высокопоставленный маньчжурский чиновник, в принципе отвергающий саму возможность налаживания с приграничными российскими территориями добрососедских отношений, понять невозможно. Невозможно, если руководствоваться логикой обычной – жизненной, социально-политической, экономической, дипломатической. Осмыслению это поддаётся, если понять логику художественную. Именно она, эта логика, заставила автора «русифицировать» и «либерализировать» амбаня, чтобы вложить в его уста издевательские высказывания, адресованные не столько «градодержцу», сколько стремящейся к «расширению» Российской империи. Месседж амбаня вполне прозрачен: вместо претензий на чужую (китайскую) землю «управьтесь» вначале со своей собственной, займитесь её «обустройством».

Персонажи-китайцы не предстают «противоборствующей», враждебной силой, как могло бы показаться в привычной антитезе «свой» – «чужой». Напротив, мудрое ведение дел китайской стороной обнажает проблемы, царящие в Российской империи.

Заключение

Таким образом, мы приходим к следующим выводам. Система персонажей поэмы Дмитрия Стахеева «Посольство» является важным структурным элементом созданного автором художественного мира. Ключевыми факторами, повлиявшими на неё, стали идейно-смысловые, концептуальные задачи, которые решает в произведении автор, а также, хотя и в меньшей степени, используемая им жанрово-видовая форма. Именно эти задачи, в первую очередь, обуславливают выбор попадающего в поле зрения писателя жизненного материала, вызвавших у него большой интерес событий, а также участвующих в них персонажей – как реальных, имеющих прототипы, так и вымышленных, созданных воображением. Что касается фактора жанрово-видового (*поэма-шутка*), то его влияние проявляется в разной степени и распространяется не на весь текст: иронический модус повествования действует лишь применительно к персонажам-русским – «градодержцу», его жене Зоре, главе миссии Малео. По отношению к маньчжурам он практически не применяется. Главная причина этого – позиция автора, который полностью «закрывает» от иронии тех, к кому направляется российская дипломатическая миссия, который не допускает по отношению к ним никаких снижающих деталей или оценок. И, напротив, не устаёт «шутить», порой весьма зло, над героями-соотечественниками. Но, как показал анализ, дело не в национально-государственной принадлежности персонажей поэмы, а в тех ценностях и идеях, носителями которых они являются. Одни ценности и идеи (сосредоточенность на внутреннем обустройстве собственного «града») автор разделяет, другие (попытка решить внутренние проблемы преимущественно за счёт направленной вовне «дипломатической» деятельности) – подвергает сомнению. Наличие или отсутствие иронии в данном случае позволяет понять авторскую позицию, отношение Д. И. Стахеева к той внешней политике, сторонниками и проводниками которой являются не названный по имени российский «градодержец» и выполняющие его поручения подчинённые. Ещё один ключевой вывод состоит в том, что подробно рассмотренные в статье образы маньчжуров (китайцев) относятся к так называемому *концептуальному типу*, к одной из его разновидностей, а именно к *персонажам – рупорам авторской точки зрения*. Основная функция подобных героев – быть носителями, проводниками, ретрансляторами ключевых авторских идей, прежде всего социально-исторических.

В качестве перспектив исследования заявленной проблематики видится, во-первых, применение полученных выводов для изучения других художественных произведений, отражающих тему российско-китайских отношений; во-вторых, дальнейшая детализация типологии героев-ретрансляторов и феномена создания форм выражения авторской иронии.

Источники | References

1. Бахтин М. М. Тетралогия. М.: Лабиринт, 1998.
2. Валеев Н. М. Дмитрий Стахеев. Творческий путь писателя. Казань: Академия наук Татарстана, 1995.
3. Валеев Н. М. Искры под пеплом: творческий портрет писателя Д. И. Стахеева. Елабуга, 1994.
4. Грахова С. И. Типология раннего творчества Д. И. Стахеева и С. В. Максимова: автореф. дисс. ... к. филол. н. Елабуга, 2001.
5. Гуськов В. В. Система персонажей исторической эпопеи А. И. Солженицына «Красное колесо» как форма воплощения эстетических принципов и мировоззренческих позиций автора: дисс. ... к. филол. н. Благовещенск, 2006.
6. Данилова О. Л. Типология раннего творчества М. Е. Салтыкова-Щедрина и Д. И. Стахеева: автореф. дисс. ... к. филол. н. Елабуга, 2005.
7. Доклад о предотвращении незаконных действий русского губернатора Бу Сэ И, требующего предоставить почтовые станции и пахотные участки и разрешить ведение торговли, а также о переходе русских через границу для распаивания земель на китайской стороне / пер. со старокитайского Ли Иннань и Чжай Ли; примеч. А. Урманова // Амур: литературный альманах БГПУ. 2022. № 21.
8. Капанян Н. Н. Лингвокультурный типаж и литературный герой в авторской концепции и читательской рецепции // Балтийский гуманитарный журнал. 2021. № 3 (36).
9. Лосев А. В. Избранные труды по литературному краеведению Приамурья / сост., ред., вступ. ст., примеч. А. В. Урманова. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2011.
10. Макаричев Ф. В. Парадоксы системы художественных образов Ф. М. Достоевского // Русская литература в иностранной аудитории: сборник научных статей. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2020.
11. Тamarченко Н. Д. Система персонажей // Литературоведческие термины: материалы к словарю. Коломна, 1997.
12. Теория литературы: в 2-х т. М.: Академия, 2004. Т. 1 / под ред. Н. Д. Тamarченко.
13. Урманов А. В. «1859 год на Амуре» // Энциклопедия литературной жизни Приамурья XIX-XXI веков / сост., ред., вступ. ст. А. В. Урманова. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2013.
14. Урманов А. В. Тема российско-китайских отношений в поэме Дмитрия Стахеева «Посольство» // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы IV международной научно-практ. конф. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2014. Вып. 4 / отв. ред. Д. В. Буяров и Д. В. Кузнецов.
15. Хабибулина Г. Н. Духовная жизнь России в романах Д. И. Стахеева 1870-1890 гг.: дисс. ... к. филол. н. Елабуга, 2007.
16. Чжай Ли. Письма генерал-губернатора Хэйлуцзяна Тэпуциня о событиях 1863 года, ставших сюжетной основой поэмы Д. И. Стахеева «Посольство» // Лосевские чтения: материалы региональной научно-практ. конф. Благовещенск, 2022. Вып. 15.
17. Шпагин П. И. Ирония // Краткая литературная энциклопедия: в 9-ти т. М.: Советская энциклопедия, 1966. Т. 3 / гл. ред. А. А. Сурков.
18. Энциклопедия литературной жизни Приамурья XIX-XXI веков / сост., ред., вступ. ст. А. В. Урманова. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2013.
19. 李兴盛, 孙正甲, 王晶编. (清) 特普钦著. 黑龙江将军特普钦诗文集. 天津: 天津古籍出版社, 1987 (Ли Синшэн, Сунь Чжэнцзя, Ван Цзин. Сборник произведений генерал-губернатора Хэйлуцзяна Тэпуциня. Тяньцзинь: Изд-во антикварных книг, 1987).

Информация об авторах | Author information**Чжай Ли¹**¹ Благовещенский государственный педагогический университет**Zhai Li¹**¹ Blagoveshchensk State Pedagogical University¹ Zhaili1225@mail.ru**Информация о статье | About this article**

Дата поступления рукописи (received): 13.02.2024; опубликовано online (published online): 28.03.2024.

Ключевые слова (keywords): Д. И. Стахеев; поэма «Посольство»; тема российско-китайских отношений; система персонажей; приём контраста; D. I. Stakheev; poem “Ambassade”; theme of Russo-Chinese relations; character system; contrast technique.